

А.Н.ПОНЕВЕНКИН, О.В.МАТВЕЕВ

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США (1945–2002 гг.): ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ИТОГИ

Авторы обобщают взгляды и исторические факты, определяющие динамику и периодизацию развития Концепции национальной безопасности США (1945–2002 гг.), выявляют итоги и особенности её реализации, в том числе и в Европе, формулируют выводы и исторические уроки.

In article authors generalize some views and historic facts defining dynamics and a periodization of development of the Concept of national security of the USA (1945–2002), reveal some results and features of its realization including in Europe, formulate conclusions and historical lessons.

Ключевые слова: концепция национальной безопасности США, американская военная политика в Европе, ядерные вооружения, противоракетная оборона, стратегическая оборонная инициатива, «миротворческие миссии», «операции по принуждению к миру», «гуманитарная интервенция».

Keywords: concepts of national security of the USA, the American military policy in Europe, nuclear weapons, antimissile defense, the Strategic defensive initiative, "peacekeeping missions", "peace enforcement operations", "humanitarian intervention".

В своем развитии Концепция национальной безопасности США в исследуемый период прошла четыре этапа [1]. Из положений политики «национальной безопасности» вытекали военно-политические и военно-стратегические установки американской военной доктрины, одной из основных черт которой была готовность США к применению силы. Важной особенностью доктрины являлся тот факт, что военное ведомство могло привлекаться к осуществлению идеологического, экономического и политического насилия. Военно-стратегические установки доктрины обусловлены требованиями защиты «национальных интересов». Вооруженные силы (далее – ВС) США привлекались главным образом к обеспечению американских жизненных интересов и выживания. Закономерно, что в период «холодной войны» это связывалось с борьбой против СССР, уничтожения социализма как общественно-политической системы, представлявших наибольшую угрозу жизненным интересам Соединенных Штатов [2, С. 8].

К таким интересам относились внешнеполитические и внешнеэкономические позиции, подрыв которых мог нанести ущерб безопасности и благосостоянию США.

Политическим содержанием *первого этапа* реализации концепции «национальной безопасности» (1945 по начало 1960-х гг.) стало превращение Соединенных Штатов в «спасителя капиталистической системы», нашедшее воплощение в политике «отбрасывания коммунизма». При администрации президента Г.Трумэна она формулировалась как политическая стратегия «сдерживания коммунизма», а Д.Эйзенхауэра – «освобождения от коммунизма» [3]. Это был этап создания «американской империи» и расширения сфер влияния США методами политической, военной и экономической экспансии [4, С. 5].

Политика «отбрасывания коммунизма» оставалась стержнем внешней американской и внутренней политики до окончания «холодной войны». Основным средством решения задачи американское руководство считало силу и ориентировалось на ее использование в глобальном масштабе.

«Национальная безопасность сегодня, – указывалось в первом докладе министра обороны США конгрессу, – не может ограничиваться лишь Соединенными Штатами. Она должна охватывать весь мир» [5, pp. 13].

Новым в американском военном строительстве после второй мировой войны было то, что ВС должны были выполнять задачи по защите национальных интересов США непрерывно, в мирное и военное время, поэтому на ВС возлагались функции: «устрашения» и «обороны» в полном объеме. Как следствие, задачи обусловили размещение передовых группировок американских войск и сил флота в различных районах мира, прежде всего в Европе, у границ Советского Союза, впоследствии России, в соответствии с концепцией «передовых рубежей», а также создание мощного стратегического резерва и увеличение возможностей быстрого усиления передовых группировок ВС или развертывание новых в районах, где не было постоянного американского военного присутствия.

Утрата США монополии на ядерное оружие и на межконтинентальные баллистические ракеты (*далее – МБР*) во второй половине 1950-х гг. способствовала тому, что американский «меч» в глазах западноевропейских союзников потерял силу. Выходом из этого положения стало оснащение ядерным оружием войск НАТО.

Под давлением Великобритании советом НАТО в декабре 1956 года американская стратегия «массированного возмездия» была принята в качестве коалиционной стратегии блока.

Суть стратегии выразил государственный секретарь США Дж. Даллес: «Соединенные Штаты должны быть готовы нанести массированный удар там и тогда, где и когда они сочтут нужным это сделать».

В 1977 г. министр обороны США Г. Браун сделал признание: «...В те дни (времена «массированного возмездия» – *авт.*), далеко не каждому было ясно, что ядерное оружие не возбранялось пускать в ход и при отсутствии факта совершенного нападения» [6. С. 4].

Применительно к НАТО была сформулирована концепция «натянутого шнура», в соответствии с которой переход к использованию ядерного оружия должен был осуществляться автоматически при потере заранее установленной территории. Тем самым подводилась база под применение войсками НАТО ядерного оружия первыми, в случае их отхода на какой-то заранее обусловленный рубеж [7, С. 10].

Второй этап (1960-е – 1970-е гг.) развития концепции национальной безопасности США

характеризовался стремлением американского руководства сохранить международные позиции и масштабы своего влияния в мире, установить контроль над политическими процессами в странах третьего мира, сначала с помощью силы, а затем все больше с помощью политических и экономических средств.

Изменения в решении стоящих задач нашли отражение в трех стратегиях национальной безопасности: «гибкого реагирования» (1961–1969 гг.), «реалистического сдерживания» (1970–1976 гг.), «компенсирующего противодействия» (1977–1980 гг.) [8, С. 16].

Военная политика США на этом этапе эволюции концепции национальной безопасности в Европе определялась принципами, сформулированными в стратегии «гибкого реагирования». Американское военно-политическое руководство отошло от жесткого курса на развязывание ядерной войны в ответ на «коммунистическую экспансию» и сделало ставку в своей политике на «дозированное применение силы».

Суть концепции была изложена в послании президента Дж. Кеннеди конгрессу: «Мы должны иметь способность целенаправленно выбирать оружие и способ его использования, варьировать темпы военного производства и гибко управлять нашими войсками, для того чтобы в кратчайшие сроки в любой обстановке реагировать на изменяющиеся условия и цели» [7, С. 20]. Была официально признана возможность ведения американскими ВС наряду с всеобщей ядерной войной ограниченных войн.

Это нашло отражение в программе, выдвинутой президентом ещё в 1960 г.:

- 1) сделать ядерные силы неуязвимыми, обеспечить стратегический паритет;
- 2) обрести способность эффективно и быстро вмешаться в любую ограниченную войну [9, р. 5].

С принятием в США стратегии «гибкого реагирования» были внесены изменения в коалиционную стратегию НАТО. В основу стратегии «гибкого реагирования» была положена стратегическая концепция «ядерного устрашения» (на Западе ее называют стратегией «удерживания»), опирающейся на два основополагающих принципа – применение ядерного оружия первыми и преднамеренная эскалация вооруженного конфликта.

В этих принципах явно проявлялся наступательный характер стратегии «гибкого реагирования».

По заявлению бывшего верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе генерала В.Роджерса, США и их союзники «должны быть готовы применить ядерное оружие первыми в ответ на нападение СССР с использованием обычных средств. Принцип применения ядерного оружия первыми является жизненно важным для убедительного устрашения» [6, С. 7].

Было принято положение о «расширенном устрашении», которое означало обязательное применение Соединенными Штатами ядерного оружия для защиты своих западноевропейских союзников. В связи с этим американским ядерным силам стала отводиться роль «щита», а не «меча». В 1967 г. стратегия «гибкого реагирования» была официально принята НАТО. Под давлением ФРГ были внесены изменения в концепцию «передовой обороны».

Новым вариантом концепции предусматривалось развертывание главных группировок войск блока на «передовых рубежах», а их прикрытие осуществлять «атомным минным поясом» вдоль границ ФРГ с ГДР и ЧССР [10].

В соответствии с новой военной политикой в основу строительства стратегических наступательных сил была положена концепция «триады» – трех компонентов: МБР наземного базирования, баллистических ракет на подводных лодках и стратегических бомбардировщиков.

Изменение взглядов на строительство стратегических наступательных сил США сопровождалось разработкой новых подходов к их использованию. Строительство сил общего назначения США определялось концепцией «двух с половиной войн», согласно которой они должны быть способными вести одну большую войну в Европе, одну в Азии и, одновременно, быть готовыми к участию в ограниченной войне в любом другом районе земного шара [11, С. 51].

Основным содержанием *третьего этапа* (1980–1990 гг.) развития концепции национальной безопасности США стала реализация стратегии «прямого противоборства», которая связывала обеспечение американской безопасности с «уничтожением социализма, как общественной системы». В связи с этим был взят курс на наращивание военного потенциала США для дости-

жения военного превосходства над Советским Союзом [12, С. 4-5].

Основные усилия по проведению этой политики были сосредоточены в Европе. В военной области был взят курс на создание потенциала ведения ядерной войны на Европейском ТВД.

Еще в конце 1970-х гг. по инициативе ФРГ Североатлантический блок принял решение о «довооружении» ядерных сил театра войны американскими баллистическими ракетами средней дальности и крылатыми ракетами, носителями ядерного оружия. В сочетании с ядерными средствами Великобритании и Франции это создавало условия для создания на Европейском ТВД самостоятельного «евростратегического ядерного потенциала» [13]. Кроме того, был поставлен вопрос о модернизации ВС западноевропейских стран.

В 1980-х гг. концепция «передовой обороны» приобрела новые черты. Целью ведения военных действий на передовых рубежах стало удержание территории, а не отход, как было ранее. В связи с этим группировка ВС Североатлантического союза должна была быть готовой к достижению разгрома противника путем нанесения его войскам максимального поражения ядерным, химическим и высокоточным оружием на всю глубину их оперативного построения.

Для реализации этой установки была принята оперативно-стратегическая концепция «воздушно-наземных боевых действий». Концепция предусматривала применение средств поражения в соответствии с единым замыслом, координацию боевых действий соединений и частей СВ и ТА, а на приморском направлении – сил флота и морской пехоты. Основные положения концепции нашли отражение в уставах СВ и ВВС того времени [14, С. 23].

В связи с решительным характером установок стратегии национальной безопасности «прямого противоборства» перед американскими ВС была поставлена задача быть готовыми к ведению ядерной и обычной войн, а также ограниченных войн с применением ядерных и обычных средств вооруженной борьбы.

Целями военного строительства в рамках «оборонной» стратегии «устрашения посредством гибкого реагирования» стали способность американских ВС к ведению длительных боевых действий и военно-техническое превосходство

над советскими ВС [15]. Суть этой «оборонной» стратегии заключалась в создании такого военного потенциала США, который «обеспечивал бы ведение войны на любом уровне, который изберет противник» [16, pp. 69]. Как следствие, был взят курс на достижение военного превосходства.

В основу стратегии «устрашения посредством гибкого реагирования» был положен ряд новых стратегических концепций. К важнейшим из них относились концепции «активного противоборства» и «географической эскалации».

Концепция «активного противоборства», изложенная в президентской директиве от 25 июля 1980 г. определяла направления строительства и использования стратегических сил США. В ней делался упор на создание возможностей ведения длительной ядерной войны. Это обусловливалось наличием резерва ядерных сил, способного и после обмена ядерными ударами поражать военные объекты и центры государственного и военного управления.

Как заявил тогдашний министр обороны США, необходимо, «чтобы был создан достаточно большой и гибкий потенциал, который позволил бы наносить избирательные удары по ряду военных и иных объектов и после этого иметь значительный резерв ядерной мощности на продолжительное время» [17, pp. 303].

Курс американской администрации на победу в длительной ядерной войне привел к ускорению разработки вопросов стратегической обороны.

В начале 1980-х гг. в США приступили к разработке стратегической концепции «гарантированного выживания». В ее основу была положена идея создания ядерных сил первого удара и стратегических оборонительных сил, которые могли бы обеспечить в XXI веке защиту континентальной части США в случае мировой ядерной войны. Концепция не получила официального признания. Однако часть ее под названием «стратегическая оборонная инициатива» (*далее – СОИ*) стала ключевой в военной политике Соединенных Штатов на третьем этапе эволюции концепции национальной безопасности [18, pp. 311-312].

Программа СОИ, провозглашенная 23 марта 1983 г. президентом Р.Рейганом предусматривала развертывание лазерного оружия в космо-

се для перехвата БР, что должно было обеспечить возможность безнаказанного нанесения ядерных ударов по территории СССР.

При проведении исследований по программе СОИ американские специалисты оценивали возможности системы противоракетной обороны (*далее – ПРО*) по перехвату ракет и боеголовок на каждом участке траектории их полета, определяя примерный вклад каждого эшелона ПРО в решение общей задачи. По их мнению, эшелон ПРО, предназначенный для уничтожения ракет на начальном, разгонном участке траектории, должен был играть решающую роль.

Более того, многие из американских специалистов пришли тогда к выводу, что ни одна система ПРО не будет эффективной без успешного перехвата ракет в их разгонной фазе полета [19, С. 50-51].

В соответствии с программой СОИ в 1984 г. был опубликована новая редакция устава AFM-1 под названием «Основная воздушно-космическая доктрина ВВС США» [20]. В уставе, окончательно закрепившем переход от концепции «воздушной мощи» к концепции «воздушно-космической мощи» перечислялись девять задач ВВС: стратегическое воздушно-космическое наступление, стратегическая воздушно-космическая оборона, завоевание превосходства в воздухе и космосе, изоляция района боевых действий, непосредственная авиационная поддержка, участие в специальных операциях, воздушные переброски, воздушно-космическая разведка, ведение воздушно-космических действий на море» [14, С. 23].

Строительство и использование сил общего назначения США с начала 1980-х гг. определялось стратегической концепцией «географической эскалации». Концепция предусматривала географическое расширение военного противоборства и выборочное применение военной силы в любом из районов мира против СССР и его союзников с нанесением ударов по их наиболее уязвимым объектам [21, С. 70, 77, 79].

Для претворения в жизнь положений концепции «географической эскалации» американская администрация взяла курс на усиление боевого и численного состава сухопутных войск, тактической авиации и военно-морских сил (без атомных подводных лодок с баллистическими ракетами).

«Новая морская стратегия» США предусматривала значительное повышение наступательных возможностей военно-морских сил в общей системе военных действий, обеспечение их превосходства на море за счет количественного и качественного роста ударных средств. Эти меры применительно к Европе привели к установлению контроля в Северной Атлантике, Норвежском, Средиземном морях [22].

Осознание бесперспективности использования ядерного оружия в военно-политических целях, существенно затруднявшее послевоенное освоение зараженных территорий, способствовало принятию в Соединенных Штатах в 1987 г. новой «оборонной» стратегии, получившей название «стратегии соперничества».

Она была «нацелена на систематическое и максимальное использование американских технологических преимуществ, вынуждение СССР соперничать с США с максимальными потерями и затратами в военной области. Эта стратегия была направлена на превращение советской военной машины в безнадежно устаревшую» [22, р.3].

Помимо мер военного характера, военно-политическим руководством США в условиях созданного хельсинским совещанием поля мирного сосуществования двух систем, финансировались и другие мероприятия по достижению военно-политических целей несиловыми мерами, в частности стратегия «4 GW».

Впервые термин 4GW появился в литературе ещё в 1989 году. Основой формирования базиса 4GW являлись не традиционные межгосударственные противоречия, а политическая, социальная и моральная революция: кризис легитимности государства; эффективными средствами достижения военно-политических целей признавались политические, дипломатические и экономические. Важнейшей формой противоборства в условиях 4GW становилось информационное противоборство [24].

Развал СССР, роспуск Организации Варшавского Договора и окончание «холодной войны» исчерпали установки американской военно-политической стратегии «отбрасывания коммунизма» и подвели итог первым трем этапам развития концепции национальной безопасности США.

Эволюция концепции национальной безо-

пасности в этот период определялась следующими принципами:

1) при разработке политики и стратегии национальной безопасности основное внимание уделялось отражению военных угроз Соединенным Штатам и их союзникам;

2) устрашение противника базировалось на разработке самых эффективных по поражающему фактору видов оружия и их применении, если это считалось целесообразным в военном отношении;

3) при реализации политики и стратегии национальной безопасности предпочтение отдавалось применению жестких военных мер, а не использованию более «мягких» политических, экономических, дипломатических, гуманитарных действий;

4) приоритет при проведении политики и стратегии национальной безопасности отдавался защите американских интересов, а не союзников США;

5) обеспечение национальной безопасности Соединенных Штатов связывалась, прежде всего, с защитой их внешнеполитических позиций [25, р.4].

Четвертый этап (начался в 1990-х гг.) – был связан с завершением «холодной войны», прекращением биполярности в мире. США стали единственной сверхдержавой в мировом сообществе. Сокращение ВС РФ и падение объемов производства российского военно-промышленного комплекса обеспечили Вашингтону превосходство в области конвенционных и ядерных вооружений [26].

В связи с этим национальная военная стратегия была переориентирована на участие в региональных войнах, а строительство ВС на обеспечение их мобильности и организационной гибкости [14, С. 24].

Военно-политическому руководству США в условиях сокращения общего количества военных баз за рубежом, проработки вопроса оперативного проецирования силы в различных регионах мира, в том числе в Европе, требовались адекватные средства.

В 1990 г. был опубликован официальный доклад «ВВС и национальная безопасность США: глобальный размах – глобальная мощь». В документе отмечалась способность ВВС менее чем через сутки приступить к развертыванию на

любом театре военных действий группировки тактической авиации.

О способности ВВС немедленно начать боевые действия в любом регионе свидетельствовал тот факт, что стратегические бомбардировщики ВВС, используя только три авиабазы – в США, на о. Диего-Гарсия (Индийский океан) и на о. Гуам (Тихий океан) – могли при одной дозаправке в воздухе с полной боевой нагрузкой нанести удар по любому объекту на Земле.

Окончание «холодной войны» значительно расширило возможности Соединенных штатов по применению силы для достижения своих военно-политических целей. По сравнению с периодом «холодной войны» администрации Дж.Буша-старшего (1989–1992), Б.Клинтона (1993–2000) и Дж.Буша-младшего (2001–2008) относительно легко принимали решения об использовании американских ВС в региональных конфликтах. В Белом доме полагали, что ни одна из великих держав не имеет ресурсов и политической воли для реального противодействия стратегическим проектам Вашингтона.

Понятие «советской угрозы» ушло в прошлое, и для разработки новых военно-политических концепций требовалась новая объединяющая идея, оправдывающая поддержание и укрепление боевой мощи США.

В обиход было введено понятие «новые вызовы» [27]. К ним стали относиться: региональная нестабильность, вызванная военной агрессией или распадом государства; нелегальная миграция, угрожающая этническими волнениями; массовое нарушение прав человека авторитарными режимами; растущая активность террористических сетей; межгосударственные столкновения из-за природных ресурсов; деградация природной среды и возможные конфликты в этой сфере.

Постепенно концепция «новых вызовов» превратилась в новые подходы к обеспечению безопасности. К середине 1990-х гг. проблематика безопасности лишилась сугубо военного содержания. Возникли такие направления, как концепция «мягкой силы» – использования культурного влияния для достижения стратегических целей [28].

Они сочетались с традиционными военно-политическими концепциями и обосновывали необходимость американского лидерства для

противостояния всех демократических стран «общим вызовам». Расширение предмета безопасности позволяло, кроме того, применить силу в новых ситуациях – от «защиты прав человека» до «ликвидации источника экологической катастрофы». С 1991 г. США добивались включения проблематики «новых вызовов» в повестку всех саммитов НАТО.

В целях реализации фундаментальных положений, провозглашенных в военной стратегии, командованием ВС США была разработана концепция «базовых сил».

Концепция предусматривала содержание меньших по составу ВС (по сравнению с 1980 гг.), но способных выполнять весь комплекс возложенных на них задач с применением как обычных, так и ядерных средств. Численность ВС США за 10 лет с 1990 до 2000 гг. уменьшилась с 2,069 млн. до 1,381 млн. человек.

В связи с сокращением численности группировок сухопутных и военно-воздушных сил в Европе возрастала роль в решении этой задачи новой военной стратегии военно-морских сил, для которых уменьшение контингентов, развернутых на передовых рубежах, не предусматривалось.

Существенным отличием обновленной национальной военной стратегии являлся так называемый *пакетный принцип* организации ВС.

В соответствии с ним ВС США подразделялись на восемь компонентов: четыре боевых и столько же обеспечивающих. В состав первых вошли стратегические, тихоокеанские и атлантические силы общего назначения, а также силы быстрого развертывания.

В 1992 году Объединённое военное командование ВС (ОВК ВС) США представило Конгрессу Доклад, в котором на основании анализа внутри- и внешнеполитической обстановки была изложена концепция строительства национальных ВС.

Практически одновременно с Докладом ОВК (*далее – ДОВК*) Конгрессом США 2 июля 1992 г. был одобрен «Акт о свободе для России и возникающих евразийских демократий и поддержке открытых рынков».

Эти два документа стали руководством к действию для американского военно-политического руководства (*далее – ВПР*) на ближайшее десятилетие, в котором излагались правила

поведения и рекомендации о том, как обеспечивать и продвигать в мире интересы Соединённых Штатов.

Концепция, изложенная в ДОВК, основана на том, что после распада СССР в мире осталась только одна сверхдержава – США, которые являются мировым лидером и глобальной стабилизирующей силой. Такой подход предполагал безусловное право вооружённого вмешательства в региональные кризисы, глобального контроля над ресурсами и технологиями, связанными с разработкой и производством современных видов вооружения [29].

В США 1992 г. прошел в полемике между сторонниками «лидерской» и «гегемонистской» политики [30, pp. 52-61].

Первые выступали за расширение взаимодействия с союзниками, а также «привязывание» России стабилизирующими соглашениями.

Вторые считали, что США должны предотвратить появление новых конкурентов любыми средствами, включая использование военной силы.

Приход к власти демократической администрации Б.Клинтоня явился победой «лидерского» подхода. Провозглашенная осенью 1993 г. стратегия «расширения демократии» предполагала укрепление отношений США со странами ЕС, включение бывших социалистических стран в трансатлантические институты и проведение «гуманитарных акций» для пресечения масштабных нарушений прав человека.

Авторы разделяют мнение о том, что «Доктрина Клинтоня» представляла собой взгляды ВПР США по ведению военных операций в современных условиях, и, по сути, являлась доктриной «гуманитарной интервенции».

Доктрина состояла из двух частей. Первая – защита общечеловеческих национальных ценностей вместо традиционной защиты национальных интересов, являвшейся прерогативой суверенных государств. Вторая часть предполагала право США и НАТО на военное вмешательство во внутренние конфликты независимых государств во имя защиты этих общечеловеческих ценностей [31, С. 99], что, позволяло обходить нормы международного права, в том числе устава ООН, т.к. являлось неким «универсальным ключом», оправдывающим применение собственных ВС.

Исторический опыт свидетельствует, что всякому вооруженному вмешательству США и НАТО предшествовала мощная информационно-пропагандистская подготовка, которая делала законным в глазах международного сообщества их вооруженное вмешательство в дела суверенных стран.

Для решения этих задач администрация Б.Клинтоня выработала в 1995 г. стратегию гибкой и избирательной вовлеченности Соединенных Штатов в региональные конфликты [32].

В ее рамках выделялось несколько сценариев применения американских ВС, одним из которых стала миротворческая операция.

Б.Клинтон подписал 18 июня 1993 г. «Обзорную директиву №13» (PRD-13), разделившую миротворческие операции на «миротворческие миссии» и «операции по принуждению к миру».

В обиход было введено понятие вмешательства во внутренние дела других стран в гуманитарных целях [33], которое получило дальнейшее развитие в концепции «гуманитарных интервенций» – силовых акций, осуществляемых под предлогом защиты прав человека.

Американские эксперты в период 1993-2000 гг. прорабатывали концепции «неудавшихся государств» – государств, неспособных контролировать свои границы, обладающих неэффективными государственными институтами, не могущих гарантировать дееспособность правовой системы [34].

Самое недвусмысленное указание на то, что государство «не удалось» – состояние острого кризиса, переросшего во внутренний конфликт, разрешаемый насилием. Это означало бы, что государство не в состоянии контролировать свою территорию и гарантировать безопасность граждан, не может обеспечить права человека, эффективное управление, экономический рост, образование и здоровье своему населению [35].

Причины появления «гибнущих» и «неудавшихся» государств американские аналитики видели в политических и экономических кризисах, затяжных вооруженных конфликтах, гуманитарных катастрофах – любых обстоятельствах, из-за которых в стране возникали неподвластные правительству территориальные анклавов, удобные для базирования международных террористов и иных криминальных сетей [36].

Стало формироваться представление о том,

что «неудавшиеся государства» одним фактом своего существования способны дестабилизировать международную обстановку.

Председатель Комитета по международным делам Сената США Джозеф Байден отмечал, что «слабые и неудавшиеся государства – трещины в основании международной системы» [37].

Схожей позиции придерживался и Ф.Фукуяма. «После окончания холодной войны, – писал он, – «слабые» и «гибнущие» государства остались, вероятно, единственной важнейшей проблемой международной системы» [38].

Следить за угрозами с их стороны призывал американскую администрацию и другой исследователь – обозреватель газеты «Washington Post» Чарльз Краутхаммер [39].

Эти подходы были закреплены в «Стратегиях национальной безопасности США для нового века» 1997-го и 1999-го гг. [40].

Авторы считают необходимым обратить особое внимание на Концепции строительства и боевого применения ВВС – основы ударной мощи США в период до 2025 г. Она была изложена в конце 1996 г. в докладе «Глобальное воздействие: перспективы ВВС в XXI веке».

По мнению стратегов ВВС, в перспективе ВВС должны быть способны немедленно нанести сокрушительное поражение любому противнику, используя огневую мощь и средства информационной борьбы формирований, перебрасываемых с территории США.

Концепция предусматривала трансформацию американских военно-воздушных сил в воздушно-космические, а затем и в космическо-воздушные силы, приведение структуры ВВС в соответствие к экспедиционному характеру их применения [14, С. 26].

Для проведения операций на европейском и другом передовом ТВД в состав сводной группировки экспедиционных сил ВВС США предполагалось выделять более 150 самолетов (СБ В-1В и В-52Н, ТАФ-16 и F-15, штурмовики А-10А) и 10-15 тыс. военнослужащих [41, С. 31].

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать следующие *выводы*:

1. С исчезновением фактора «советской военной угрозы», в обоснование сохранения ведущей роли военной силы в политике США были выдвинуты положения о возникновении и росте различного рода угроз национальной

безопасности, в том числе «непредсказуемых угроз будущего столетия», требующих организации надежной защиты национальных интересов. Указанные положения позволяли оправдывать дальнейшее существование блока НАТО.

2. С середины 1990-х гг. факт значительного снижения возможности возникновения войны мирового масштаба в содержании американской военной политики получил официальное признание. В этой связи ее военная и политическая сторона была скорректирована в направлении подготовки ВС к ведению военных действий в региональных войнах и конфликтах меньшего масштаба. В то же время, сохранилось положение о возможности возникновения крупномасштабных войн и участия в них США.

3. В течение последнего десятилетия XX в. по существу произошла трансформация американской политики с условий «биполярного мира» на «монополярный», в рамках которого США взяли на себя роль единственного «мирового лидера». Данное обстоятельство привело к изменению американской военной политики в направлении еще большей ее глобализации и наступательной направленности, в том числе, и в Европе. В этом состоял смысл «плюралистической однополярности». Порядок на ее основе фактически утвердился в мире к концу 1996 г., когда страны Североатлантического альянса окончательно приняли решение начать переустройство геополитического пространства Европы по своему усмотрению, несмотря на возражения России, и открыто об этом заявили решениями брюссельской сессии совета НАТО.

4. Американское военно-политическое руководство еще более расширило рамки своих геополитических интересов и по-прежнему стремилось отстаивать их преимущественно с помощью военной силы.

Результаты исследования позволяют сформулировать некоторые уроки.

Урок первый. Военно-политические доктрины и концепции США, разработанные и для европейского ТВД обладали преемственностью и укладывались в более ранние концепции Хартленда.

Урок второй. Военно-политическим руководством США при отсутствии реальных военных угроз подводилось основание для «легитимизации» силового вмешательства в дела суверен-

ных государств вопреки действующим правовым нормам, в том числе, заключительных положений Хельсинского акта по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.

Урок третий. По мнению ВПР, достаточным считалось приращение тому или иному государству ярлыка и одобрения его «широким» международным сообществом в лице основных союзников по НАТО, чтобы игнорировать устав или обходиться без резолюций ООН и других норм международного права.

Главный итог сравнительного анализа национальной военной политики США выражается в том, что, с одной стороны, произошли определенные изменения в содержании ее основных направлений, а с другой – сохранились общие черты, отражающие неизменность и преемственность военно-политического курса в на протяжении более шести десятилетий.

Как подчеркивал вице-президент Института Брукинса в 1999 г. Р.Хаас, «по мере того как первое десятилетие после окончания «холодной войны» подходит к концу, становится очевидным, что военное вмешательство остается ключевой характеристикой американской военной политики. США использовали или собирались использовать военную силу при многочисленных обстоятельствах и с различными целями. Реальные или предполагаемые интервенции происходили во всех регионах мира и включали в себя карательные рейды, удары с целью принуждения, сдерживание, превентивные акции, миротворчество, поддержание мира и содействие в создании государственных институтов» [42, С.422].

Литература:

1. Гончаров П.А., Матвеев О.В., Сушко А.Б. Некоторый исторический опыт отечественной военно-технической политики в области вооружений стратегических оборонительных систем (1960–1991 гг.) // Вестник Екатеринбургского института: научный журнал. 2016. № 3 (35) С. 35-42; Матвеев О.В. Подходы в РФ и США к стратегической стабильности в XX–XXI вв. Учебные пособие. Учебное электронное издание на диске. М., Финансовый университет, 2017. ISBN 978-5-7942-1383-6.

2. Путилин Б. Что стоит за политикой «обеспечения национальной безопасности» США. //

Зарубежное военное обозрение. 1986. № 7. С. 8.

3. NSC-68. Forgering the strategy of Containment // ed. by S. Nelson Drew., 1994. Pp. 22-31., 120-126; Caridi R. 20th Century American Foreign Policy. Security and Selfinterest. Englewood Cliffs (NJ). 1974. Pp. 223-227.

4. Дмитриев Б. Внешнеполитические доктрины США. М., Знание, 1972. С. 5.

5. First Report of the Secretary of Defense, Wash., 1948. P. 13.

6. Маринин И. Военная доктрина Североатлантического блока. // Зарубежное военное обозрение. 1990. № 3. С. 4, 7.

7. Ананичук В., Путилин Б. Система обеспечения национальной безопасности (на примере Соединенных Штатов Америки). М., ВА РВСН им. Петра Великого. 1998. С. 10.

8. Бондаренко А. Историческая необходимость подготовки молодежи к защите Родины в 1961-1991 гг. // Симбирский научный вестник. 2011. № 1 (3). С. 16, 20.

9. President John F. Kennedy: To turn the tide. London, 1962. P. 5.

10. Daadler, I. The nature and practice of flexible response. New York, 1991. Pp. 1-16; Strachan A. European armies and conduct of war. London, 1983. P. 194.

11. Петров. Н.; Соколов. Н.; Владимиров. И. и др. США и НАТО: источники военной угрозы. М., Воениздат. 1979. С. 51.

12. Пономарев Б. Современная обстановка и роль демократической печати. // Коммунист. 1983. № 17. С. 4-5.

13. Поневенкин А.Н., Матвеев О.В. Исторические факторы, обусловившие военную политику Соединенных Штатов в Европе (1975–2002 гг.) // Вестник Екатеринбургского Института, 2016 №4 (36) С.30-35; Петров Н., Попов И. «Большая стратегия» США на 80-е годы. // Военная мысль. 1980. № 10. С. 28; 31.

14. Заяц В. Эволюция концепций строительства и боевого применения ВВС США. // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 1. С. 23, 24, 26.

15. Поневенкин А.Н., Матвеев О.В. Некоторые аспекты подходов к военной политике США в Европе в 1975–1991 гг. // Вестник Екатеринбургского Института, 2017. № 2. С. 51-56; Перов И. Американская стратегия «прямого противоборства» – угроза миру и безопасности. // Зарубежное военное обозрение. 1982. № 9. С. 8-9.

16. Report of the Secretary of Defense C. Weinberger to the Congress, FY 1986. Wash., 1985. P.69.
17. The SALT II treaty. Hearings before the Committee on foreign relations. U.S. Senate. Part 1. Wash., 1979. P.303.
18. Васильев М.А., Матвеев О.В. Система противокосмической борьбы в оборонном строительстве СССР (1960–1991 гг.): исторический опыт, уроки. // Вестник Екатеринбургского Института, 2015. № 1 (29). С. 114-121; Васильев М.А, Волков А.П., Матвеев О.В. Вклад военных институтов в формирование научных основ исследовательских и опытно-конструкторских работ по проблеме противокосмической обороны (1961–1991 гг.): исторические итоги. // Вестник Екатеринбургского Института, 2015. № 2 (30) С. 71 – 83; Nuclear strategy, arms control and the future. // P.E. Haley, D.M. Keithy, Z. Mcritt. Boulder (Colo.), 1985. P. 311-312.
19. Корсаков Г. Глобальная система ПРО США – дилемма международной безопасности. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 10 (478). С. 50-51.
20. Устав AFM 1-2 «Основная доктрина ВВС» был введен в ВВС США с 1953 г., в котором развивалась концепция «воздушной мощи», разработанной военными теоретиками ВВС в 1943-1945 гг. и подробно излагались официальные взгляды на роль ВВС в войне. ВВС рассматривались как компонент национальной мощи, в уставе указывались их три главные задачи: оборона территории США, контроль воздушного пространства, нанесение ударов по территории противника (*прим. авт.*).
21. Кокошин А., Герасев М. Американские планы милитаризации космоса. // Военная мысль. 1987. № 4. С. 70; 77; 79.
22. Senate Armed Services Committee. Department of Defense authorization for FY1984. Part 2. Wash., 1983. P.1008; Sea Power. April. 1981. P.13.
23. National security strategy of the United States. Wash., 1987. P.3.
24. Ситников А. Четвертое поколение противоборства. // Свободная пресса. 13.02.2012.
25. Shuman M., Harvey H. Security without War: a post-Cold War Foreign Policy. Boulder (Colo.), 1993. P.4.
26. Building a New Global Order: Emerging Trends in International Security / Ed. by D. Dewitt, D. Haglund, J. Kirton. Oxford: Oxford University Press, 1994.
27. Matthews J. Redefining Security // Foreign Affairs. Vol. 68. № 2. March/April 1989. P. 162-177. Weiner M. Security, Stability and International Migration // International Security. Vol. 17. № 3. (Winter 1992-93). P. 91-126.
28. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
29. Исследование информационно-аналитического центра «НАМАКОН» // газета «Завтра» 2010. № 47 (887).
30. Charles A. Kupchan, Clifford A. Kupchan. The Promise of Collective Security. // International Security. Vol. 20. № 1. (Summer 1995). P. 52-61.
31. Воронцов М. Операция НАТО в Югославии: внутриамериканская полемика. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 7 (367). С. 99.
32. National Military Strategy of the United States of America. Joint Chiefs of Staff. February 1995 P. III.
33. The New American Interventionism: Lessons from Successes and Failures: Essays from Political Science Quarterly / Ed. by D. Caraley. Washington: Columbia University Press, 1999; Mayall J. The New Interventionism, 1991-1994: United Nations Experience in Cambodia, Former Yugoslavia and Somalia. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
34. Collapsed States. The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority / ed. by I. W. Zartman. L. : Lynne Rienner Publishers, 1995. 303 p.; State Failure and State Weakness in a Time of Terror / ed. by R. I. Rotberg. W.: Brookings Institution Press, 2003. 354 p.; Milliken J., Krause K. State failure, state collapse, and state reconstruction: Concepts, lessons and strategies // Development and change. 2002. Vol. 33, № 5. P. 753-774.; Doornbos M. State collapse and fresh starts: Some critical reflections // Development and change. 2002. Vol. 33, № 5. P. 797-815. Jackson R. H. Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world / R. H. Jackson. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. 240 p.; Jackson R. H. Surrogate Sovereignty and Great Power Responsibility and «Failed States». Working paper №. 25. November 1998. / R. H. Jackson // University of British Columbia. Institute of International Relations.
35. Кустарев К. Неудавшиеся государства // Космополис. 2004. № 2(8). С. 17-36; Дунаев

ва Ю.В. Государства: несостоявшиеся или другие?: реферативный обзор // Политическая наука. 2007. № 3. С. 85-107.

36. Baker. H. Fixing Failing States: The New Security Agenda // The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations. Vol. VIII. Winter / Spring 2007. № 1.

37. Statement of Senator J. R. Biden. Hearing on «Stabilization and Reconstruction -Building for Peace in a Hostile Environment». June 16, 2005.

38. F. Fukuyama. State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. N.Y., 2004. P. 92.

39. Krauthammer. The Unipolar Moment Revisited – United States World Dominance. // The National Interest. Winter 2002 ; Ch. A. Crocker. A Dubious Template for U.S. Foreign Policy // Survival. Vol. 47. Spring 2005. № 1. P. 51-70.

40. National Security Strategy for A New Century. May 1997; National Security Strategy for A New Century. July 1999.

41. Макаров С. Авиационные экспедиционные силы ВВС США. // Зарубежное военное обозрение. 2000. № 8. С. 31.

42. США в 2000 году. М., Наука, 2001. С. 422.